

ИДЕИ САХАРОВА О ПРИРОДЕ ВСЕЛЕННОЙ И НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ

© 2017

В.М. Гефтер

Когда-то физики из ближайшего окружения А.Д. Сахарова по ФИАН метко перефразировали известный афоризм. Талант на фоне промахов многих людей попадает точно в мишень, а гений — в цель, которую другие чаще всего не видят и о существовании которой часто даже не подозревают. Андрею Дмитриевичу Сахарову такое удавалось в разных сферах. И некоторые из важнейших его идей могут быть распространены на довольно далекие от физики области знания, в частности, на понимание человеческой природы — при том, что физикалистские и вообще естественно-научные подходы вовсе не обязательно должны работать “на другом поле”, как иногда полагают исследователи. Рассмотрим несколько таких актуальных “позиций”, высмотренных нами в научных работах Андрея Дмитриевича и публичных выступлениях последних лет его жизни.

Антропный принцип

Термин “антропный принцип” предложил английский математик Б. Картер в 1973 году: “То, что мы ожидаем наблюдать, должно быть ограничено условиями, необходимыми для нашего существования как наблюдателей”.

Наряду со столь общей формулировкой известны и модификации антропного принципа, *в первую очередь применительно к космологии*: “слабый антропный принцип”, “сильный антропный принцип”, “принцип участия” (“соучастника”) Дж. Уилера и “финалистский антропный принцип” Ф. Типлера. Формулировка сильного антропного принципа, в духе Картера, гласит: “Вселенная (и, следовательно, фундаментальные параметры, от которых она зависит) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей”. Перефразируя Декарта (*cogito ergo mundus talis est* — я мыслю, поэтому мир таков, каков он

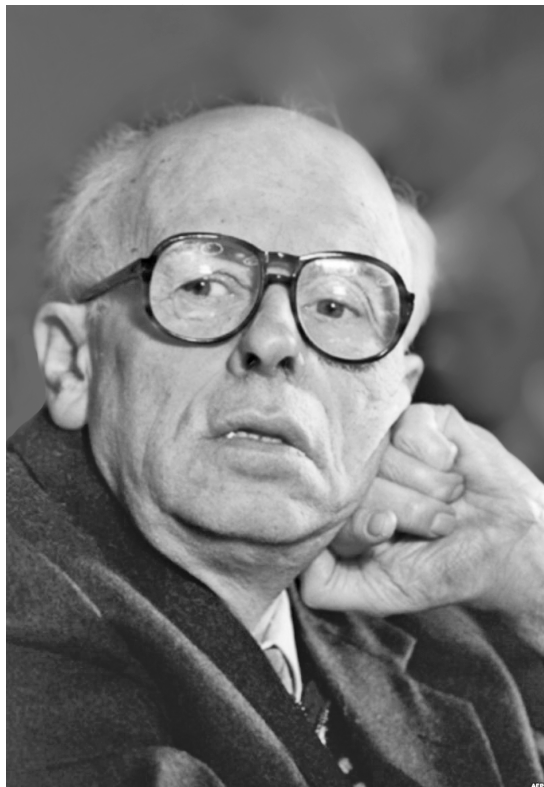

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Гефтер Валентин Михайлович —

физик, правозащитник, директор НКО “Институт прав человека”. В журнале “Человек” публикуется впервые.
E-mail: mgefter@mail.ru

А.Д. Сахаров

есть), Уилер афористически выразил суть антропного принципа словами: “Вот человек; какой должна быть Вселенная?”.

К чему же сводятся различные, и не только космологические, представления о сути антропного принципа? Вот как понимал его сам Сахаров, назвав антропологическим: «Наша Вселенная и подобные ей характеризуются такими параметрами, что в них могли возникнуть структуры (атомы, молекулы, звезды, планетные системы и т.д.), обеспечивающие развитие жизни и разума. При этом есть “иначе устроенные миры, чем наш, но наблюдение их недоступно, по крайней мере, сейчас”» [2. С. 375–383].

Небезынтересны мировоззренческие интерпретации антропного принципа, которые, по сути, противостоят друг другу:

1. *Объективные свойства нашей Вселенной* таковы, что они на определенном этапе ее эволюции *привели*

(или должны были привести) к возникновению познающего субъекта; если бы они были иными, их некому было бы изучать (А. Л. Зельманов, Г. М. Иддис, И. Л. Розенталь, И. С. Шкловский).

2. *Объективные (наблюдаемые) свойства Вселенной* таковы, какими мы их *наблюдаем, потому что существует познающий субъект, наблюдатель* (принцип “соучастника”) — и к этому **исключительно** сводится антропный принцип в его как бы “копенгагенском” понимании.

Но в любом случае эвристическая роль антропного принципа, безусловно, значительно шире его физического содержания. Не вдаваясь в обсуждение нюансов натурфилософских споров и их понятийного аппарата, отметим лишь одно: столь фундаментальная идея важна для постановки и обсуждения проблем, казалось бы, весьма далеких и от космологии, и от философской антропологии¹, — к тем, что, в конечном счете, относятся к более “земным” делам.

По нашему мнению, один из самых важных примеров применения антропного принципа в сфере “идеального” — объяснение природы, происхождения и смысла феномена по имени “права человека” (далее — ПЧ).

Права человека, как мы полагаем, — это фундаментальные естественные и неотъемлемые атрибуты *Homo sapiens*, которые

¹ В частности, мы не собираемся здесь обсуждать теологическое обоснование места человека во Вселенной хотя бы потому, что это не имеет к данной постановке вопроса прямого отношения и мало чем поможет дальнейшим рассуждениям.

абсолютны по своей “антропно-принципной” природе и не могут ничем и никем отчуждаться кроме как с добровольного согласия их “правообладателя” — суверенной человеческой личности.

Их перечень можно обсуждать и корректировать, но очевидно, что среди них

- право на жизнь;
- право на физическую и психическую неприкосновенность;
- право на неприкосновенность жилища и других самых необходимых средств самообеспечения;
- право на частную жизнь, в том числе на неразглашение медицинской, гендерной и иной непубличной информации о личности;
- право на собственное мнение и убеждения (символы веры), беспрепятственный обмен ими с другими людьми, включая тайну переписки, телефонных переговоров и иными средствами связи;
- право на выбор языка и прочих ненасильственных “техник” общения и контактов;
- право на интеллектуальное и культурное творчество **для каждого**;
- право на объединение с другими людьми, не нарушающее прав и законных интересов третьих лиц;
- право на выбор местожительства и пребывания, выезда и въезда в государство, гражданство которого принадлежит человеку по факту рождения или приобретено в законном порядке и неотъемлемо.

Само по себе понятие “неотъемлемые права человека” применительно, как минимум, к перечисленным выше правам давно и прочно вошло в тезаурус права прав человека (сегодня общепринято выделять такую отрасль права, в том числе и международного). Но вот сама эта “неотъемлемость” выглядит несколько декларативно: она не объясняется, а провозглашается. По нашему убеждению, эта неотъемлемость вытекает из природы человека и может быть обоснована, в частности, именно исходя из антропного принципа.

Сразу оговоримся, что предлагаемый подход с трудом согласуется с общепринятыми положениями теории естественного права, и, тем более, представлениями о том, что источником прав человека является общественный договор. При этом отметим принципиальную важность для нашей модели иной природы происхождения ПЧ, отличной от принятой в рамках позитивного Права (комплекса норм, институтов и практик, правовых обычаев). Поскольку это расхождение носит базовый характер, позволим себе привести отрывок из книги одного из самых последовательных и авторитетных юристов, дальше многих продвинувшихся в утверждении “естественности” (природности) прав человека:

«В современную эпоху, отодвигая и даже отбрасывая все другое, естественное право становится прямым выражением глубинных, первородных требований жизни общества, его мизантропического предназначения, скачка от мертвой, безвариантной природы к свободе, в соответствии с которым в центре жизни общества должен стать свободный, полный достоинства “суверенный” человек.

...Естественное право, обусловленное самыми глубинами человеческого бытия, раскрылось в облике неотъемлемых, прирожденных прав человека, его высокого достоинства и статуса. Права эти — не просто естественные, но именно неотъемлемые, прирожденные: они представляют собой прямое и императивное требование, проистекающее из самых недр, глубин жизни общества, выявляя его смысл и предназначение. ...В рассматриваемом отношении следует признать обоснованной мысль Мамардашвили, что права человека — характерная черта “взрослого состояния человечества”» [1].

В связи с этим возникает ряд вопросов, на которые далее попытаемся дать собственные ответы.

Во-первых, почему прирожденность и неотъемлемость ПЧ связана с жизнью общества? Видимо, это предполагает, что человек в принципе неотделим от аристотелевского понимания его сущности как “политического животного”, и, тем самым, его существование невозможно без наличия более чем одного индивидуума, без возникновения взаимоотношений людей друг с другом. Не говоря уже о понятии “человечество” — во взрослом или ином его состоянии.

Но правомерен и другой взгляд на эволюцию человека как части живого, природы в целом. Исходящий из того, что общество в любой его форме есть продукт эволюции человека, но, возможно, не единственный или, **точнее**, не единственно возможный на всех ее стадиях. (Что вряд ли удастся подтвердить или опровергнуть, по крайней мере, потому, как человечество дано в одном экземпляре.) Таким образом, возникает дилемма: что есть общество: неотъемлемая от человеческого вида часть единой Природы, вне которой нет человека как такового, или лишь один из этапов эволюции *Homo*, не полностью идентичный всей матрице нашего бытия?

Если придерживаться понимания, не “привязывающего намертво” человека как представителя вида *Homo Sapiens* к обществу, то ПЧ могут рассматриваться и как атрибут человеческой особи независимо от того, существуют ли вообще другие люди (например, Адам до сотворения Евы и последовавшего за этим грехопадения, одиночка на необитаемом острове или единственный выживший после ядерной катастрофы).

И, тем более, не очевидно, почему наличие такого атрибута должно быть связано с человеческими общностями в их взрослом состоянии, развитием общественной мысли и осознанием

суверенности человека по отношению к ним, будь то нации или иные части “глобального общества”.

Таким образом, можно констатировать, что в полемике с приверженцами теории естественного права, в “теле” которого возникают права человека, обнаруживается явный водораздел: каковы они по своему происхождению — непосредственно-социальные (согласно С.С. Алексееву) или неотъемлемо-природные, обязанные биоэволюции живой материи?

Конечно, решающих аргументов в пользу той или другой точки зрения в настоящее время нет, но второе из них в свете наших сегодняшних знаний, как минимум, получает вполне последовательное обоснование. Если это признать, то, можно сформулировать вытекающую из данного подхода рабочую гипотезу: фундаментальные, личностные ПЧ, в отличие от гражданских и политических, тем более, социально-экономических и других так называемых групповых прав и законных интересов, не “обязаны” своим происхождением общественному бытию людей в социуме того или иного типа, а связаны с природой Ното. Хотя их соблюдение или нарушение невозможно представить иначе как благодаря наличию Другого — человека, коллектива, государства.

Для лучшего понимания этой аксиомы начнем с резонного утверждения, что язык и мышление человека выделили его из всего живого в качестве отделенного от других индивидов внутри популяции; тогда как в эволюции живого всегда (или почти всегда?) ни одна индивидуальная особь сама по себе не играла ведущей роли по отношению ко всей популяции, роду/виду и иным группам.

По нашему мнению, этой исключительной особенностью Ното и отвечают те фундаментальные естественные и неотъемлемые права личности, краткий перечень которых приводился выше. Мы понимаем, что такой вывод может натолкнуться на возражение: «Почему в рамках вашей концепции недостаточно признать “автономию” индивида, право на то, чтобы “жить в обществе и быть свободным от него» — до определенного, разумеется, предела. Что демонстрирует и дискриминация по мотивам групповой принадлежности, как бы указывая на то, что индивидуальное первично по отношению к любой группе и социуму в целом; а если уж говорить о фундаментальном праве на ассоциацию с другими членами общества, то оно вообще может быть лишь у “политического животного”».

Впрочем, противоречие между нашим “асоциальным” подходом к пониманию природы ПЧ и такой трактовкой в духе автономности человека и первичного характера его прав по отношению к групповым и общества в целом, а также наши разногласия с С.С. Алексеевым могут быть “сняты” благодаря довольно существенному выводу, к которому приходят некоторые исследователи в области эволюционной ге-

нетики, в частности, Т.В. Черниговская. В вольном переложении он звучит так: «“Социальное — не результат определенного этапа в процессе эволюции живого, а ее имманентная черта с самого начала; отсюда исходит понимание социальности как взаимодействия “элементов” на всех уровнях — от множества нейронов до макротел...».

Наверное, для продолжения разговора о сути социального и личностного начал в природе человека следовало бы изыскивать дополнительные аргументы, одним из которых применительно к представлению о правах личности видится так:

Мы различаем понимание ПЧ как атрибута индивида и как условия его “очеловечивания” в процессе биологической эволюции (о чем подробнее ниже), и представление о том, что они становятся предметом Права лишь при взаимодействии с другими людьми, то есть в социуме. *(Можно привести наивную аналогию: глаза являются атрибутом человека, но в них только отражается свет, поступающий на сетчатку извне, однако это не объясняет “внутреннюю” природу зрения наличием внешней по отношению к человеку среды.)*

При этом подчеркнем, что, поскольку сама природа и неотъемлемость фундаментальных прав человека не связаны именно с их общественным происхождением, то лишь “после этого” можно ставить вопрос о том, как они корреспондируют с правами и свободами других людей. И о том, какова природа иных ПЧ, которые тесно связаны с тем или иным типом общественного договора при разных государственном устройстве, экономическом укладе и отношениях в социуме — с чиновником, работодателем, собственником иных ресурсов, обеспечивающих поддержание и рост качества жизни.

Итак, исходя из идеи уникальности мышления и языка человека и центральной роли его в популяции как самодостаточной личности, емко охарактеризованных Т.В. Черниговской (см. выше), возникает рабочая гипотеза о природе феномена ПЧ. Правда, здесь можно угодить в хорошо известную методологическую ловушку: если связанные с принадлежностью к *Homo sapiens* способность к рациональным поступкам, речь, иные системы передачи смыслов можно, в принципе, не только обнаружить и верифицировать опытным путем, но и понять, как они “устроены” и действуют, то с такими абстракциями, как ПЧ, — и со многими другими: долгом и достоинством, совестью и индивидуальной моралью — дело обстоит сложнее. Можно ли их идентифицировать как внеположенный объект исследования, если это идеальные феномены (но не просто мыслительные конструкции), неотделимые от каждой человеческой особи... Как быть, если невозможно обнаружить их элементарных “носителей” помимо человека как представителя вида в целом — ни материальных (гены, другие “частицы” его существования как биологического объекта), ни виртуальных (единицы передачи информации, любых знаковых сис-

тем). Но философия и методология давно научились если и не разрешать эти проблемы, то худо-бедно управляться с ними: долгая история споров реализма с номинализмом снабдила нас обширным арсеналом приемов, аргументов, способов рассуждения, позволяющих успешно работать с такими парадоксами и противоречиями.

По нашему мнению, какими бы существенными ни были приведенные выше возражения и упомянутые методологические трудности, нет сомнений, что само существование фундаментальных ПЧ не обязательно считать артефактом, рожденным из либеральных размышлений об одном из краеугольных камней объяснения социальной природы человека. То есть можно объяснить данный феномен как исходно возникающий вне связи с социумом и с законными интересами образующих его людей. Конечно, вряд ли можно строго доказать или проверить, как и для чего Бог/Природа создали человека с такими врожденными атрибутами, которые по своему происхождению не являются продуктом нашей деятельности (в том числе высшей нервной деятельности). Сомнительно, что это удастся сделать “в лоб”.

Но как раз здесь выход видится в использовании антропного принципа. Он дает основания предположить наличие прямой связи ПЧ с природой эволюции жизни в наблюдаемой Вселенной и с нерядовым ее результатом в виде человека разумного. Если так, то самым **условием** существования человека является наличие имманентных его природе фундаментальных прав, без чего он как отдельная личность не существует — возможно, как и без других абстракций этого ряда. Иными словами, без ПЧ сущность *Homo sapiens* непредставима “по определению”, как без человека (согласно антропному принципу) невозможно говорить о наблюдаемом одном из миров под названием “наша Вселенная”.

Автор сознает: такая парадигма может вызвать уже упомянутые возражения, что для обоснования и объяснения происхождения неотъемлемых прав человека и связи этого феномена с человеческой природой вполне достаточно признания автономности индивида, его способности к спонтанному, не целиком детерминированному социальной средой поведению и наличия у него т.н. внутреннего мира. Тогда многие предлагаемые автором гипотезы и выводы на их основе могли бы рассматриваться как следствие иных и не в меньшей степени обоснованных допущений. В ответ можно только повторить: эмпирически верифицировать или опровергнуть те или иные приводимые в работе утверждения невозможно в принципе. Критерием, позволяющим принять или отвергнуть одну из представленных выше альтернативных (или взаимодополнительных?) гипотез, служит, скорее, их потенциальная плодотворность, способность обосновать и углубить рефлексию по поводу (ре)конструкции “идеального мира” человека. И объяс-

нение их природы на основе антропного принципа, по нашему мнению, открывает новые, а, может быть, и бóльшие возможности.

Обратимость стрелы времени

Под термином “стрела времени” подразумевается физически объяснимая (по крайней мере, для ряда космологических моделей) и экспериментально верифицируемая сахаровская фундаментальная гипотеза, согласно которой время течет “к будущему” в обе стороны (по временной координате) от момента сингулярности (см.: [5]).

А вот как сам Андрей Дмитриевич говорил об этом в одном из последних интервью: «То течение времени, которое мы наблюдаем в повседневной жизни, целиком и полностью связано со статистической необратимостью, т.е. с ростом энтропии... Такое явление можно назвать “поворотом стрелы времени” при $t = 0$. Что эта формальная возможность означает с философской точки зрения, я не знаю» [6].

Мы тем более не рискуем предлагать подобное объяснение. Вместо этого попробуем истолковать эту глубокую и не столь очевидную для гуманитариев идею применительно к пониманию сингулярности в человеческой истории. Используем для этого понятие “историческое событие” как происходящий с данной системой “переход” на иную, чем прежде, траекторию “движения”. Понимая его не как сознательный выбор одной из альтернатив по типу “направо-налево-прямо пойдешь...”, а как существование точки бифуркации, подробно изученное в рамках теории самоорганизации сложных динамических систем. (При том, что такие альтернативы не сводятся к субъективному влиянию исторических персонажей, которое может быть лишь одним из множества факторов, определяющих непредсказуемый заранее результат.) Для бифуркационных переходов между траекториями движения характерно то, что до момента подобного события в эволюции системы, в том числе и с точки зрения внешнего наблюдателя, “по определению” не может быть известно о ее будущем поведении. Более того, новую траекторию нельзя заранее “усмотреть” с вычисляемой долей вероятности — в том смысле, что учет веса каждого из различных и меняющихся факторов влияния возможен лишь исходя из предшествующего “опыта” таких ситуаций, а он, в свою очередь, неповторимо оригинален или только случайно оказывается близок к имевшему место событию в прошлом. Не это ли подразумевал А.Д. Сахаров, когда в 1982 году в письме из горьковской ссылки своему коллеге и другу Б. Л. Альтшулеру заметил: “Будущее непредсказуемо (а также — в силу квантовых эффектов) — и не определено” [2].

Перед нами очень нетривиальное сочетание “физики” и человеческого фактора, которое требует не только понимания

этой завещанной гением максимы, но и обдумывания природы и механизмов кардинальных перемен в поведении больших систем, чьим центральным элементом является человек.

Поэтому, возвращаясь к сахаровской симметрии по времени (названной им обратимостью стрелы времени) относительно нулевой точки отсчета на временной координате, за нулевую точку примем точку бифуркации как своего рода сингулярность. Привлечение понятия сингулярности для объяснения природы исторического события помогает интерпретировать его динамику в терминах не только физического, но и “исторического времени”. Это также позволяет использовать для описания “язык” скачкообразного изменения параметров системы и иной понятийный аппарат в надежде, что он применим к исследованию не только физических, но и общественно-политических процессов.

Как это сделать — вопрос на перспективу, хотя надо отметить, что, например, в институциональной макроэкономике давно обсуждается проблема выхода из исторической колеи для больших государственных систем с традицией экстенсивного и постоянно догоняющего развития [3]. Характерно, что в этих исследованиях речь тоже идет о переходах на иную траекторию развития, но обсуждаются, скорее, направления и методы рационального управления ими или то, как политические факторы инициируют резкие перемены (институциональные реформы или революционные изменения того или иного рода). При этом ничего не говорится о природе самого процесса выхода из “колеи” с учетом его, как минимум, нерегулируемого (в принципе) характера. Тем более, что при данном подходе надо иметь в виду, что точкам бифуркации (сингулярности) отвечают не только непредсказуемость самого хода событий, но и исходная неопределенность их будущего результата вплоть до движения вспять по (историческому) времени.

На этом примере видно, насколько неизбежно и актуально обогащение понятийного аппарата и методологии познания в “обществознании” и “человековедении”, основанное на анализе и обобщении исследовательских практик естественных наук.

“Случай — бог изобретатель”

Еще древние греки утверждали, что “случай — это всё”. Можно возразить, что это не означает обратного: “всё случайно”. Но вот что утверждается сегодня, на научном языке информационного века: случайность индивидуального объекта — последовательности нулей и единиц — означает, что в этой последовательности нет закономерностей. То есть, нет возможности задать данную последовательность максимально короткой, или, пользуясь компьютерной терминологией, нельзя написать программу, которая порождает (печатает) эту после-

довательность таким образом, чтобы данная программа была короче, чем сама порождаемая последовательность. Если такая возможность существует, — значит, в последовательности есть закономерность. Если же самый простой способ описать последовательность — это написать все ее биты, то, значит, закономерности в ней нет. Таково, кстати, в некотором роде неформальное описание сложности по Колмогорову.

Специалистам судить, насколько эти определения можно использовать в анализе гораздо более сложных динамических систем, особенно при описании поведения людей и связанных с ним исторических событий. Но кажется очевидным, что мы пока плохо знаем (тем более, понимаем) причины того или иного нерядового и сложносоставного события, саму возможность его возникновения. Здесь уместно напомнить о принципе неопределенности (в терминах квантовой механики). Эта неопределенность заведомо, по определению, не идентична отсутствию умения вычислять вероятность выбора системой одной из траекторий “движения”, даже если удастся учитывать для предшествующих ее состояний веса различных факторов влияния.

Иными словами, специфика бифуркации в том, что из последовательности отдельных, как правило, не закономерных (см. выше), случайных и не связанных между собой “элементов” возникает ранее неведомое, по сути, состояние системы. И если говорить “прозой” общественной жизни, характер этого нового состояния даже впоследствии далеко не всегда осознается как принципиально “иной”, не укладывающийся в рамки имеющегося опыта и теоретических построений. Это относится не только к “моментальной” смене власти или государственного строя, но и, в еще большей степени, к новому качеству отношений между людьми и их сообществами — к тому, что принято называть событием исторического масштаба.

Подытоживая этот экскурс в “неизбежность случайного мира”, напомним слова А.Д. Сахарова из его лекции “Наука и свобода”, больше известной как “Лионская лекция”: “Эйнштейн не верил, что Бог играет в кости, но теперь мы, большинство физиков, уверены, что на самом деле законы природы носят вероятностный характер. Причем не просто потому, что мы не точно что-то знаем о природе или не точно умеем подсчитать, а потому, что эта вероятностная трактовка заложена в самой природе вещей” [8]. Известны и другие высказывания Сахарова о том, что он ощущает наличие в мире “механизма”, который невозможно описать иначе как его случайной сутью. Они дают полное основание включить данный сюжет в “сахаровскую” тему.

Приведенные выше слова могут послужить импульсом для исследований, соединяющих сахаровские (и не только его) “надфизические” идеи: антропный принцип с эффектом включенного и принципиально не иллюминируемого наблю-

дателя; обратимость стрелы времени в точке сингулярности и случайность как основа события в жизни разноуровневых систем.

В развитие изложенных выше соображений по поводу не одному лишь Сахарову принадлежащих “околофизических” идей стоит напоминать о возможной пользе еще более широкого междисциплинарного подхода к познанию природы человеческого (что есть человек?). Так, наряду с теорией стохастического поведения сложных динамических систем и их самоорганизации в последнее время все большее внимание привлекают труды по эволюционной генетике, по своему значению выходящие за рамки ее исследовательского поля, в том числе современные представления о решающей роли ряда специфических механизмов (дрейф генов и т.н. генетическая тяга), о взаимосвязи мутаций и процесса отбора в эволюции малых и больших популяций [4].

Подобный симбиоз способен был бы дать пищу для “объединяющих” выводов о причинах и характере “событий” в живой и неживой природе. И помочь обобщению исследований человеческого общества в различных его проявлениях и на разных уровнях поведения индивидуальных и групповых составляющих социум “единиц” — в том числе и в качестве объектов естественно-научного анализа.

Таким нам видится сочетание почти несочетаемого: естественно-научных знаний о макро- и микромире с гораздо менее познанной и, видимо, по самой сути “неточной” картиной человеческого общежития. Именно эта как бы промежуточность, помещенность “между” внечеловеческими мирами, включающая в себя и неизбежный эффект наблюдателя, и место Номо в пространстве земной и космической жизни с его биоэволюцией, может стать предметом дальнейшего обдумывания, базирующегося на достижениях разных научных школ и направлений, на наследии гениев и талантов, попадавших не в мишень, а в цель.

Сахаровские размышления о конвергенции в свете представлений квантовой механики

Попытаемся теперь “перевернуть” сообщающиеся сосуды песочных часов и рассмотреть на основе предложенных подходов один из примеров сахаровской озабоченности трудными вопросами повестки дня человечества. Возможно не самый острый и злободневный сегодня, полвека спустя после появления “Размышлений о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе”, но очень показательный с точки зрения того, чем мыслил и жил Сахаров в своем вненаучном бытии. Речь идет об идее конвергенции общественных формаций-“монстров” Нового времени — капитализма и социализма, занявших центральное место в политико-экономическом

обиходе последних столетий. На языке наших дней осевые идеи и ценности, лежащие в их основании можно сформулировать так:

1) приоритет личных прав и свобод, в первую очередь, частной собственности; “внутри- и межвидовая” конкуренция, рыночная экономика, верховенство Права и демократическое устройство общества;

2) социальная справедливость на основе приоритета интересов государства и общества над индивидуальными правами и интересами, сводящаяся на практике к главенствующей роли планового хозяйства и дирижизму в ключевых сферах жизнедеятельности, исходящему из одного или немногих центров власти.

Под конвергенцией в сахаровском понимании, видимо, подразумевалось своего рода нежесткое сочетание этих “измов”, причем не столько в теории, а скорее в качестве образца практики европейской социал-демократии второй половины XX века.

Дело не в переменчивости терминологии и не в обновлении относящихся к упомянутым феноменам примеров, даже не в выборе взаимооппонирующих субъектов политической истории (классы\цивилизации или этносы\государства), а в общем подходе к анализу мало- или вовсе не совместимых явлений разной природы.

По-моему, в размышлениях А.Д. Сахарова упомянутую идейно-политическую “контроверзу” методологически принимает то, что было ему близко как физику — боровский принцип дополнительности, или комплементарности, рожденный в муках возникновения квантовой механики почти сто лет назад и с тех пор прочно укоренившийся в современном естествознании. Попытки его мировоззренческого обоснования (а не только оправдания) делались неоднократно. Лучшим из того, что известно автору можно назвать идеи трех “Б” — Михаила Бахтина в литературоведении и психолингвистике, Мартина Бубера в религиозном самопознании и Владимира Библера в его философии диалога. Но были ли случаи “научно-практического” применения этих парадигм познания и самого принципа дополнительности, развернуто представленного в естествознании, к проблематике общественно-политического характера? Парадокс дуализма “волна-частица”, иные далеко выходящие за его пределы физические идеи и эксперименты могут и должны помочь обновлению подходов к тому, как развязывать туго закрученные узлы локальных и глобальных политических проблем, рассматривая такого рода точки преткновения (не только теоретически, но и с учетом имеющегося политического опыта) с позиций применения методики анализа комплементарных явлений совсем иной природы.

Тогда, например, конвергенцию по Сахарову можно представить не как сходимост к “общему знаменателю”, единооб-

разно выстроенную для всех стран и народов, а как некий модуль, состоящий из наборов состояний сложных систем, в том числе их оппозиций, относящихся к разного типа обществам и даже цивилизациям. (Вполне вероятно, что всеобщий либеральный мир победивших демократий одного или двух образцов нереализуем в принципе или, по крайней мере, в модели конвергенции, в рамках которой это окажется недопустимым “по определению”.)

Разумеется, эти рассуждения ни в коей мере не должны восприниматься, как собственно сахаровские или рассуждения других “серьезных” ученых. Автор берет на себя весь риск профанности и суесловия, в которых его попытаются обвинить строгие критики. Моя цель только в одном — привлечь внимание к оставленному нам А.Д. Сахаровым положению “следовать мыслям великого человека” для продвижения его и собственных идей вместо того, чтобы пребывать на задах (извините) достигнутого ранее в понимании оснований нашего Мира.

Литература

1. *Алексеев С.С.* Теория права. М.: БЕК. 1995. С. 66–67.
2. *Альтишлер Б.Л.* Ноу-хау // Он между нами жил. Воспоминания о Сахарове. М.: Физический институт им. П.Н. Лебедева Российской академии наук. 1996; <http://textarchive.ru/c-1371467.html> https://www.eduspb.com/public/books/.../on_mezhdu_nami_zhil.pdf. С. 60
3. *Аузан А.* В России начинается когнитивный диссонанс // Ведомости. 2016. 8 июня.
4. *Кунин Е.* Логика случая (о природе и происхождении биологической эволюции) М.: Центрполиграф. 2014; <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/eci.12171/full>
5. *Новиков И.Д., Фролов В.П.* Комментарий // Научные труды А.Д. Сахарова. М.: ОГИ, ФИАН. 1995.
6. *Сахаров А.Д.* Интервью во время заседаний Фридмановской конференции // Природа. 1989. № 7.
7. *Сахаров А.Д.* Космологические переходы с изменением сигнатуры метрики. ЖЭТФ. 1984. Т. 87. Вып. 2(8). С. 375–383.
8. *Сахаров А.Д.* Лионская лекция // Огонек. 1991. № 21. С. 7.